

(а) Может ли современная Россия предложить миру некий новый глобальный проект культуры? И какой?

(б) Чем объяснить шизофреническое отношение к массовой культуре в России: с одной стороны, – проклятья в ее адрес, и одновременно, с другой, – упоение ее гламурной стилистикой, радости «победам» отечественного масскульта?

в) Кого можно и нужно считать современной российской элитой? И есть ли она вообще?

Полученные комментарии и отклики составили дополнения к текстам их авторов.

Мы предлагаем читателям и авторам журнала также принять участие в этой дискуссии. В случае достаточно явного резонанса публикуемых материалов редакция готова вернуться к теме перспектив современной отечественной культуры.

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ,
руководитель проекта

МАССОВАЯ КУЛЬТУРА КАК ВОПЛОЩЕНИЕ ГУМАНИЗМА ПРОСВЕЩЕНИЯ, ИЛИ ПОЧЕМУ РОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО САМОЕ МАССОВОЕ

Г.Л. ТУЛЬЧИНСКИЙ

Когда заходит речь о перспективах России применительно к процессам глобализации, то обычно российское общество ставят в ситуацию так называемого цивилизационного выбора. Мне представляется, что такая постановка проблемы неадекватна и бесперспективна, оставляя наше общество в положении на распутье жестких альтернатив и противостояний.

Но сначала, как учили великие Конфуций и Платон, надо заняться «исправлением имен» – уточнить содержание основных понятий.

Глобализация

К ней можно относиться двояко:

- *Оценочно* – как процессу, имеющему также и негативные последствия, например, подавление неконкурентоспо-

собных производителей и экономик в целом, доминирование массовой культуры и т.д.;

• *Безоценочно* — как объективному процессу, характеризующему особенности развития и состояния современной цивилизации. В этом случае можно говорить о несомненных преимуществах и достоинствах этого процесса, например:

— создаются новые возможности развития, сотрудничества, привлечения недоступных ранее ресурсов;

— только уникальное глобально, и только уникальные, неповторимые, оригинальные явления и достижения получают возможность войти в общемировое культурное, экономическое пространство.

Кроме того, не стоит забывать, что в настоящее время заявлен и реализуется отнюдь не единственный проект глобализации. Воспользовавшись цивилизационными плодами культуры, восходящей к иудео-христианскому монотеизму и рационализму, все более амбициозную альтернативную парадигму заявляет ислам. На Юго-Востоке Азии медленно, но верно вызревает еще одна парадигма, восходящая никогда из истории не уходившему имперскому опыту конфуцианского Китая.

Иначе говоря, миру вряд ли грозит унификация.

Массовая культура

Массовая культура — закономерный этап развития цивилизации, связанный с персонологическими установками иудео-христианского мировоззрения, реализованными европейской цивилизацией посредством развития рыночной экономики, индустриализации, подкрепленной НТП, развитием СМИ и информационных технологий, урбанизации и демократизации политической жизни. Массовая культура парадоксальным образом реализовала проект Просвещения и его гуманистический лозунг «Все на благо человека, все во имя человека!» Перефразируя известный советский анекдот, можно добавить: «И мы знаем этого человека». Это каждый из нас. Рыночная экономика и массовая культура буквально воплотили в жизнь гуманистическую программу в механизме *«всевозрастающего удовлетворения всевозрастающих по-*

требностей». Кстати, именно так формулировался «основной закон социализма» в программных документах КПСС.

Массовое общество и массовая культура потому и совершили столь успешную экспансию, несмотря на очевидные издержки и гневные проклятья со стороны «гуманистов», что являются реализацией и проявлением эволюции и диверсификации долгой исторической культурной и нравственной традиции. Масса, массовая культура, массовое сознание лишь явили наиболее полную и развернутую форму этой установки. Они — продукт достаточно длительной социальной «дрессуры» на основе гуманистических идеалов вроде «человек — венец природы», «неотчуждаемые права человека» и т.п. Реализация программы дала неожиданный и ошеломляющий результат.

В отличие от ценностной организации традиционного общества, в которой существует ценностная вертикаль (пирамида), в которой существует иерархий высших трансцендентных ценностей (Бог, истина, добро, красота), за которыми следуют ценности нации, этноса, социальных групп, и лишь низший слой образуют ценности личностного, бытового плана, ценностный комплекс массовой культуры образован радикально иначе.

Ценности приводятся к некоему общему знаменателю, превращаясь из уровней иерархически организованной вертикали в рубрикаторы секторов рынка массового потребления. Этим «общим знаменателем», принципом ценностной координации массовой культуры является маркетизация — унификация социальных, экономических, межличностных отношений на основе рыночного спроса и рыночной цены. В массовой культуре товарно-денежные отношения втягивают в себя не только экономику, но и культуру в целом, включая научное и художественное творчество. Практически все артефакты культуры становятся товаром, а деньги буквально становятся «всеобщим эквивалентом». Дело, однако, не столько в деньгах: все, что возникает, существует, задумывается в массовом обществе — должно пользоваться спросом на рынке. Только в этом случае оно может быть оценено во «всеобщем эквиваленте» и продано. Деньги, прибыль выходят на сцену только после того, как выявился

спрос. То, что не имеет спроса, не может не то, что существовать — даже просто возникнуть не может.

Поэтому упреки массовой культуры в тотальной коммерциализации не справедливы. Дело не в коммерциализации, а в маркетизации¹, ориентации на рыночный спрос. Будет спрос — появится предложение, и, как следствие, сделка как «встреча на рынке». Более того, современная массовая культура — уже не столько удовлетворение, сколько формирование потребностей, для удовлетворения которых предназначены продукты — артефакты — масскульты. Массовая культура мифологизирует сознание и реальные процессы. Ее артефакты — социальные мифы, симулякры, сама она — «индустрия грез» «общества спектакля».

Массовая культура — едва ли не первая в истории человечества культурная формация, лишенная трансцендентного измерения. Она совершенно не интересуется нематериальным, потусторонним бытием, иным его планом. Даже идеал красоты все более вытесняется и конкретизируется «сексапильностью» и даже просто сексуальностью. Если что-то сверхъестественное и фигурирует в ней, то, во-первых, описывается конкретно и буквально подобно описанию потребительских качеств товара, а во-вторых, это сверхъестественное подчинено вполне земным целям и используется в решении самых что ни на есть земных потребностей. Ценности массовой культуры — ценности реального жизненного обустройства, ценности комфортной, удобной жизни. Это жизненный успех, понимаемый как социальное признание, достаток и комфорт, а также личное счастье, понимаемое как здоровье, семья, любовь, дети. Наиболее полным эстетическим выражением этого ценностно-го комплекса является «гламур».

Продукт массовой культуры должен, с одной стороны, обладать некими уникальными, неповторимыми свойствами, позволяющими его легко идентифицировать, выделить среди других, а с другой — такими характеристиками, кото-

---

¹ Подробнее см.: *Тульчинский Г.Л.* Маркетизация гуманизма. Массовая культура как реализация проекта Просвещения: российские последствия // Человек.ru. Гуманитарный альманах. № 3; Антропология в России: школы, концепции, люди. Новосибирск, 2007. С. 194 — 216.

рые позволяли бы его легко тиражировать в массовом количестве экземпляров и вариаций. Кроме того, он должен будить воображение, чтобы потребитель не просто заинтересовался, а быстро и по возможности — полностью погрузился в воображаемый мир. Он должен вызывать интенсивные и немедленные переживания, а поскольку большей частью продукты масскульта распространяются на коммерческой основе, то это должны быть стимулы, соответствующие устоявшейся структуре воображения, интересов и установок массового потребителя.

Поэтому ценностная структура артефактов массовой культуры сродни структуре товарного бренда — имиджево-репутационной составляющей рыночной стоимости марки товара. Потребителю продается не товар, а чаяния, надежды и стремления самого потребителя, его мечты, его представления о «себе самом, каким бы он хотел бы быть».

В свою очередь, активизация потребительского спроса предполагает Событие, провоцирующее этот спрос, вызывающее интерес, желание. Этот эффект обеспечивается связью события с известными людьми (престиж, мода), эпатажем, либидозной привлекательностью (Эрос) или экзистенциальными угрозами (Танатос). Массовая культура растворяет человека в стихиях бессознательного. Более того, она выводит на первый план две главные силы этой стихии — Эрос (жизнеутверждающей сексуальности) и Танатос (разрушительный инстинкт смерти). Человеку массы свойственны эротическая завороченность смертью, сексуально-деструктивные всплески агрессии, а массовой культуре — агрессивная жестокость, насилие, порнография, хоррор. А поскольку и сексуальность, и разрушающая агрессия выражают, в конечном счете, одно и то же — инстинкт торжествующего обладания, власти, то массовая культура оказывается выпущенным на волю демоном власти во всевозможных его проявлениях.

Дальнейшее продвижение артефакта массовой культуры зависит от возможностей его сериальной диверсификации, репродуцирования в различных формах, перманентное воспроизводство. Каждый конкретный предмет массовой культуры бытийствует странным образом с точки зрения традиционной культуры. Он не может собраться в какой-то

одной точке, но рассечен на множество сегментов, каждый из которых отсылает ко всему «полю», которое, в свою очередь, также неспособно выстроить некоторый устойчивый фундамент реальности.

Массовая культура обладает исключительной способностью к репродуцированию всей системы. В отсутствие единой и сквозной, фундаментальной и вертикальной иерархии, упирающейся в трансцендентные основания – «истоки истоков», массовая культура налаживает стабильное и безопасное, весьма комфортное существование для подавляющего большинства членов сообщества.

Фактически заменяя государственные институты, массовая культура выступает манипулятором-регулятором психического и нравственного состояния общества.

Возмущение, которое подчас вызывают ее продукция, не мешает ей развиваться в поликультурном пространстве современности, практически полностью освоенном ею. Более того, сами первоначально эпатажные продукты массовой культуры оказываются пробными шарами, пилотами развития и трансформации цивилизации.

Именно массовая культура обеспечивает консолидацию и стабильность современного общества. Она оказывается не только проявлением деструктивных тенденций, которые обрели угрожающий характер на стадии «Заката Европы», но механизмом защиты от них.

Социальными функциями массовой культуры являются:

- социализация личности в условиях индустриальной и постиндустриальной цивилизаций;
- выработка общего ценностно-смыслового восприятия реальности;
- аккумуляция и тиражирование знаний, создание новых возможностей самореализации;
- стандартизация интересов и потребностей населения;
- оправдание реальности на основе ее мифологизации и симуляции;
- обеспечение стабильного и комфортного существования;
- сглаживание и «канализация» деструктивных тенденций;
- регуляция психического и нравственного состояния

общества, снятие стресса личностного выбора и социальной ответственности;

– эффективное манипулирование общественным сознанием и личностью;

– маркетизация практически всех интересов и потребностей, создание предпосылок консюмеризма и эффективного маркетинга непрерывного массового потребления («машина желаний и соблазна»).

Реализуя эти функции, массовая культура выступает эффективнейшим средством и механизмом консолидации современного общества.

Таким образом, сама по себе массовая культура, ее «брендированная» мифология ни плоха, ни хороша. Будучи порождением индустриального общества и урбанистического образа жизни, она в настоящее время является образом жизни современного пост-индустриального и то ли информационного, то ли уже пост-информационного общества. Другой разговор, что ее объективной «игре на понижение» системы ценностей, их нивелированию на основе маркетизации, ведущему к ценностному релятивизму могут и должны быть противопоставлены в «плоском» ценностном мире некие ориентиры. В качестве таковых выступают три основных фактора. Во-первых, развитое гражданское общество (в формах гражданской самоорганизации, муниципального самоуправления, конфессиональной принадлежности и т.п.), дающее человеку возможность ориентироваться в «плоском мире», реализовать в социальных формах свою позицию. Во-вторых, это полноценная элита — не просто правящий класс, представители которого получили возможность распоряжаться природными, финансовыми, информационными и символическими ресурсами, а именно элита, представители которой задают нравственные, интеллектуальные, эстетические образцы. В-третьих, это внятная культурная политика, связанная с сохранением и развитием приоритетов культурной идентичности.

Германия и Россия после Первой мировой войны являются собой яркие примеры того, что происходит, если такие социальные сдержки отсутствуют, расшатаны, а то и сметены. Получившиеся в результате дисперсные общества ока-

зались бессильными перед напором массы. Сталинский тоталитаризм и опыт нацистской Германии вскрыли откровенно манипулятивный характер идеологий, апеллировавших к традиционным европейским ценностям разумного и справедливого социального обустройства. Более того, именно фактом выхода на историческую арену ничем не сдерживаемой массы, сметение гражданского общества и элиты, приход к власти носителей массового сознания и массовой культуры, объясняют и удивительные стилистические параллели в «дизайне» советского общества и III рейха.

Глобализация и массовая культура часто несправедливо отождествляются с экспансией «американизма». Довольно длительный период успешной экспансии американских ценностей можно объяснить двумя основными факторами. Во-первых, более ранним по отношению к другим странам вступлением американского общества в стадию массовой культуры. Во-вторых, тем, что именно в американских условиях «страны-новодела» и наиболее чистой модели капиталистической экономики и демократии, массовая культура получила исключительно благоприятные возможности развития. И, наконец, в-третьих, ни о какой экспансии говорить было бы невозможно, если бы эта массовая культура и ее продукты не были бы столь привлекательны. Да и в самих США довольно остро проявляется противостояние ценностей традиционной американской культуры («одноэтажной Америки») и массового общества, символом которого «калифорнизация» (с весьма существенным компонентом культуры Юго-Восточной Азии). Это противостояние Калифорнии всей прочей Америке не менее остро, чем культурное противостояние современной Москвы «всей прочей» России.

Важно, что масскульт, при всей его «стандартности», отнюдь не исключает реализацию ярких, своеобразных и самобытных явлений в искусстве, культурной жизни. Наоборот — дает им дополнительные возможности.

Повторюсь — миру вряд ли грозит унификация. Только уникальное глобально. Поэтому возможности создаваемого массовой культурой глобального информационного и культурного пространства дают исключительные возмож-

ности реализации и проявления уникальности и неповторимости. Более того, они остро востребованы.

Массовая культура в условиях глобализации и постинформационного общества предполагает ясное и внятное самоопределение, осознание содержания и возможностей собственной уникальности. Только в этом случае любое общество имеет шанс достойно войти во всемирное экономическое, информационное и культурное пространство. Успешные опыты такого самоопределения имеются, и они перед глазами: Япония, Сингапур, Финляндия... В самое последнее время это почти уже удалось Китаю и Индии. Какова ситуация с Россией?

Российская культура как проблема

Речь идет не о пресловутой «национальной идее», которая пропагандистски-административно «канализируется» сверху вниз, а о культурной идентичности, которая «растет снизу», и, как чувство юмора и как деньги — либо есть, либо нет, а если есть, то «такая», и которая принципиально важна в историческом трансфере, в переходную эпоху, вроде той, которую переживает сейчас наше общество. Важна — для сохранения общества, которое вошло в этот трансфер, если только мы действительно хотим, чтобы из него (трансфера) вышло то же — российское — общество.

Но сначала о том вызове, который испытывает имперски-собирающая отечественная культура в условиях массового общества.

Массовая культура — существенный, по настоящему еще не оцененный фактор динамики социально-политических процессов в нашей стране за последние два столетия. Вопреки бурным, и чаще всего — лукавым дискуссиям о «судьбе» России, ее «особом пути», исторический цивилизационный выбор российским обществом был сделан уже давно — не в политической сфере, не в экономике, а в сфере повседневности.

Катастрофа 1917 года во многом обусловлена несостоятельностью общества, расшатанного войной, сдержатъ вышедшую на историческую арену массу. Историческая вина российской интеллигенции в ее неадекватности, не-

способности сориентироваться в природе пореформенного развития страны.

Реальным результатом «строительства коммунизма», «воспитания нового человека» и создания «исторически новой общности людей» в СССР стали именно массовое общество и массовая культура. Да и сама советская империя была повержена не в военном противоборстве, и даже не в экономическом соревновании с какими-то конкретными конкурентами и противниками. Она была повержена безликой и универсальной силой, утвердившейся не только «во вражеском окружении», но и в душах советских граждан — массовым обществом и ценностным содержанием его культуры.

Ситуация усугубляется отсутствием внятного символического ценностного кода современной российской культуры. Нынешняя ценностная символика российской культуры шизофренически противоречива и эклектична. Результатом этого является не просто «символический промискуитет», а полная дезориентация и углубляющаяся дезинтеграция общества.

Для российского искусства в целом, включая массовое кино и литературу, свойственны «метафизическая доминанта стоицизма, двусмысленное отношение гражданина и власти, целомудренность, герметизм, имперский синдром и сентиментальность»². Доминирует женский тип реакций: несчастное сознание, прежде всего — невостребованная (брошенная) сверхценность, пребывающая в ожидании. Этот ценностный комплекс содержится как в культуре 1960-х, так и культуре конца XX — начала XXI вв. Параллельно педальруется навязчивое стремление обязательно «показать фигу» Америке в духе М. Задорнова, выдающее безнадежный местечковый провинциализм, отчаянно пытающийся обосновать и оправдать несостоятельность аутсайдера.

Одним из наиболее ярких и полных примеров этого синкретизма стал фильм А. Балабанова «Брат», в котором впервые был явлен довольно притягательный тип постсоветского героя в ис-

---

² Массовая культура России конца XX века. Ч. II. СПб., 2003. С. 177.

полнении С. Бодрова. Фактически речь идет о социально опасном существе с редуцированным инфантильным сознанием, пришедшим на гражданку с профессиональным навыком убийства «не наших», отчаянно ищущим, к кому бы «прислониться», найти свою идентичность. Но все кандидаты на такой «столп» — старший брат, девушка, компания панков, певец Бутусов — оказываются такими же жизненно беззащитными инфантилами. В результате получается гремучая смесь из мечтательной отрешенной инфантильной нежности к «тому миру» и холодной жестокой реактивности в мире «этом», требующей полной нравственной стерильности и автоматизма. Трагедия постсоветского инфантила была воспринята на ура массовым инфантильным сознанием. Фактически, фильм — лабораторный анализ воспитания обыкновенного убийцы. Но общественное мнение увидело в Даниле, сыгранном С. Бодровым-младшим, нового героя — идеал, а в фильме — апологию убийства.

И А. Балабанов откликнулся на этот «социальный заказ» откровенно издевательским ура-патриотическим «мочиловом Америки» — фильмом «Брат-2», который являет стилистику компьютерной игры с блуждающим экзистенциалом — «ходилки-стрелялки». Проявления сознания сводятся к уничтожению плохих парней, которые плохие, потому что не наши. В пику англосаксонской цивилизации предложен коктейль из национальных комплексов, профанированных советских ценностей и ксенофобии — продукт, нашедший намного больший отклик в массовом сознании.

Аналогично следующий фильм А. Балабанова — «Война» — безжалостная констатация факта, что война всех против всех стала в нынешней России нормой жизни, был принят, опять-таки, за агитку в духе невзоровского «Чистилища». Наконец, снятая А. Балабановым в стиле ретро, сага о первоначальном накоплении в России 1990-х, архивированный для грядущих поколений диагноз — фильм «Жмурки» — воспринят как крутая комедия. Дошло до того, что Балабанову потребовалось снять фильм «Груз 200», чтобы окончательно прояснить свою позицию. Эта история рецепции творчества склонного к мизантропии А. Балабанова — яркий пример неадекватности российского массового сознания и особенностей российской массовой культуры.

Распад мифологии советского массового сознания и мифократии в широком масштабе предстал профессиональной, политической, а то и личностной смыслоутратой. У шестидесятников еще сохранялась иллюзия, что верные идеи осуществляются неверными методами. Несмотря на осознанную неправильность политики, сохранялась вера в правильность лозунгов. История дала им шанс в виде «перестройки». И оказалось, что «социализм с человеческим лицом», «больше социализма», «возврат к ленинским принципам», «вся власть Советам» и т.п. — не более чем несостоятельные версии все той же мифологии. Но в СССР еще сохранялась иерархия статусов и ценностей. В новой России — маркетизирована даже власть, и прежде всего — власть.

Дело оказалось намного трагичнее, чем предполагалось первоначально. Вроде бы все плюсы поменялись на минусы и наоборот, произошла радикальная смена ценностей и ориентиров. Место материализма заняла духовность. На полках книжных магазинов место литературы по диалектическому и историческому материализму заняла литература «духовная», ментальный и супраментальный план, Шри Ауробиндо, технология медитации, Кастанеда. Место рационализма занял иррационализм. «Наука» и «научность» — почти ругательные слова: сплошная астрология, гороскопы, хиромантия, парапсихология, телекинез, НЛЮ, пришельцы. А место утопизма занял прагматизм — откровенный и приземленный. Но — итог тот же самый: все те же неумяемость, бегство от свободы, и никто ни за что не отвечает.

Фактически мы имеем дело с новым обликом все той же неумяемости. Сохраняется вера в запретительные меры и прямое насилие. Персонифицированная власть остается «священной коровой». Большой Миф рухнул, но духовный опыт, его породивший, остался. И осколки «помнят» друг друга еще достаточно, чтобы тянуться друг к другу. Социальная неустойчивость и незащищенность, нравственный вакуум, правовой беспредел создают питательную среду преступности и одновременно — ностальгию по сильной руке. В условиях дисперсности, «размазанности» общества, отсутствия в нем социально-экономических и политических связей и отношений, направленных на реализацию ин-

тересов различных социальных сил, при неосознанности самих этих интересов — политическая активность носит деструктивный характер. Выборы теряют реальный политический смысл, партии становятся группировками вокруг амбициозных самозванцев.

Ярким примером истероидной формы выражения массовой национальной истерики являются фильмы-экранизации многотомной саги В. Лукьяненко о «ночном» и «дневном дозорах». Человек — игрушка неких сил добра и зла, которым доступны иные планы («уровни») бытия, и которые борются друг с другом во имя и ради людей — оказывающимися марионетками, в итоге — жертвами в их руках. Картина мира сугубо манихейская. Есть только свои, «наши» и чужие, иные. И за своих надо безжалостно мстить «иным». Противостояние «дозоров» весьма напоминает бандитские разборки. А разводит их некая «крыша» — «инквизиция», состоящая из особо отобранных «темных» и «светлых» — прямой аналог спецслужб, с азефовщиной, амбивалентных по отношению к добру и злу, действующих во имя некоего «закона». Персонажи мечутся по экрану, демонстрируя сугубо истерический тип поведения. Если кто-то говорит, то это надрывный крик. Если ведет машину, то на бешеной скорости, сметая все и вся. Общение с другим быстро переходит в обмен сокрушающими ударами. А противостояние сил добра и зла завершается полным разрушением столицы. И над всем этим витает отчаянное стремление переписать настоящее, раздобыть магический артефакт, который позволит вернуть переписанное прошлое.

Российское общество оказалось беззащитным перед массовой культурой. Если в большинстве зарубежных стран социальность имеет устоявшиеся институциональные формы гражданского общества, дающего личности — пусть формальные, но ориентиры и скрепы идентификации в виде институций религиозных, муниципального самоуправления, профессиональной корпоративности, то советский и постсоветский человек этого лишен. Российское общество чрезвычайно дисперсно и гомогенно.

Постсоветское массовое сознание оказалось удивительно созвучным новому состоянию массовой культуры — пост-

модернизму, с его особым сочетанием эскапизма, утопизма и эсхатологизма, особой поэтикой странничества и нигилизма, фактическим отсутствием трудовой морали, революционаризмом, верой в установление на земле царствия небесного. Это выросло из советской культуры с ее гиперреальностью³, элиминацией личности и свободы, негативным отношением к модерну, идеологией и эстетикой эскапизма, цитатничеством, стремлением стереть различия между элитарной и массовой культурой, систематическим порождением симулякров.

Имея в виду склонность российской массовой публики отождествлять экранное изображение, текст в журнале, газете, книге, музыкальные образы с действительной жизнью, массовая культура постмодернизма оказывается просто самой судьбой постсоветской России. В СССР были безжалостно сметены сословные и классовые барьеры и фильтры реальных субкультур, берегающих исторические традиции, обеспечивающие дополнение универсальным стандартам, в результате чего в стране сложилось общество почти дисперсное, лишенное структуры. Культура оказалась в некоем виртуальном пространстве «социалистического реализма». Человек находится наедине с миром и беззащитным перед властью. Вокруг него отсутствует структурированное социальное пространство. Он лишен внешних скреп и идентификаторов. У него очень ограничен круг сценариев разрешения жизненных проблем и ситуаций. Отсюда повышенная нетерпимость и жестокость.

Перестройка и последовавшие реформы проходили при полном отсутствии внятной культурной политики. В этой ситуации наиболее примитивная, развлекательная западная массовая культура, фактически — культурный ширпотреб, не имея конкуренции на отечественном рынке быстро заполнил вакуум. Деятели культуры, наивно полагавшие, что высокая культура выстоит в любой ситуации, жестоко просчитались. На гребне волны бездуховности оказалась эстрадная попса.

И стало очевидным, что российская массовая культура не имеет социальной почвы — ни исторических, ни фольк-

---

³ См.: *Гройс Б.* Утопия и обмен. М., 1993.

лорных корней. Она может использовать — по старой имперской и советской привычке — практически любые исторические формы культуры, но не может наполнить его содержанием. Она оказалась просто неадекватной. А если реалии жизни не воспроизводятся массовой культурой, если они просто отталкивают и не воспринимаются испытывающим болевой шок сознанием, возникает сомнамбулическая масса, не знающая критериев подлинности, не отличающая фальшивку от реальности.

В условиях фактического отсутствия среднего класса и гражданского общества функцию консолидации социума осуществляет именно массовая культура. В этой ситуации нет никакой необходимости даже в манипулятивной имитации среднего класса. Важно понять: сам middle — продукт массовой городской культуры. Так, функцию среднего сословия в современной России с успехом выполняет массовое сознание людей массы, успешно сформированное еще в советское время.

Поэтому сегодня мы имеем фантомную массовую культуру, оторванную от образа жизни реального массового общества, порождающую виртуальное массовое сознание. Ситуация особенно трагическая в сочетании с незавершенностью первоначального накопления и традиционным апофатизмом, неспособностью ценить или даже просто уважать реальность и настоящее.

С очевидностью российская массовая культура выражает специфические особенности российской культуры, связанные с ее ценностным акцентом на жизнь иную, но не на реальность здесь и сейчас. Нормативно-ценностному содержанию российской культуры свойственно внешнее великолепие и собирательная множественность. Российской культуре и истории свойственны шараханья в крайности (из социализма в дикий капитализм, уходить из Восточной Европы, отдав все; США то друг, то враг; от тоталитаризма в либеральную демократию и обратно в авторитаризм), стремление кого-то догонять. Это пренебрежение реальным существованием предопределяет культурные, идеологические, политические и экономические шатания и шараханья из крайности в крайность. Пренебрежение

культурным наследием в конечном счете оборачивается безоглядными заимствованиями в духе Петра Великого, коммунистов, нынешних младореформаторов. Российские марксисты оказываются самыми марксистскими марксистами в мире, а либеральная экономика — самой либеральной. То же самое можно сказать и о массовой культуре в России. Российское общество сейчас — ценностно невнятное и дисперсное, «плоское» до неприличия — самое массовое общество в мире с правящей элитой, которой характерно ярко выраженное массовое сознание. В российской культуре царит именно и только масскульт. Причина этой ситуации — незрелость, а теперь и отсутствие традиционной культуры. Попытки апелляции к имперскому прошлому (вроде дизайна празднования 60-летия Победы) и державническим ценностям сути дела не меняют именно в силу их внеэтничности, ценностной универсальности. И в этом итоги постмодерна и российско-советского опыта также совпадают.

Однако Россия, вместо того, чтобы определиться, буквально «о-предЕлиться», осознать и сформулировать свои пределы — цели, возможности, вместо того, чтобы от слов о собственной уникальности перейти к уяснению и конкретизации этой уникальности, сосредоточиться на собственных брендах, продолжает претендовать на всемирность и всеохватность вселенского масштаба. Есть подозрение, что с такими амбициями в становящемся все более плотным мир можно просто не вписаться. Промедление с таким самоопределением чревато тем, что придется входить в этот новый и плотный мир по частям. Построение же всемирной альтернативы всему миру — вещь непосильная метафизически. Или Россия страна «не для (в) этой жизни»?

Постимперская культура как потенциал открытого общества: питерский урок

Существуют ли реальные возможности современной России выхода и интеграции в глобальное культурное и информационное пространство с опорой на культурно-историческое наследие? Несомненно — да.

Примером может служить Санкт-Петербург — как некий артефакт российской истории и культуры. Становле-

ние и развитие города были обусловлены мощным притоком ресурсов на берега Невы на протяжении XVIII, XIX, начала XX столетий. Инженеры и артисты, ученые и архитекторы, военные и врачи, художники и предприниматели, авантюристы и просто молодые люди тянулись в Санкт-Петербург со всех концов света, потому что их притягивали деньги, работа, образование, бизнес, возможность быстрой карьеры. Теперь вектор переменился. Однако сохранилась парадоксальность этого города. Парадокс этот — главный нерв питерской идеи — состоит в том, что имперский по самой своей сути город оказывается противостоящим неким глубинным основам российско-советской империи.

Санкт-Петербург — умышленный город. Он и возник-то именно как реализация идеи, которая пропитывает всю российскую культуру последних трех столетий. Этот город — воплощенная идея европейской столицы вообще, воплощенный символ имперской культуры культур. Это глобалистский проект.

Имперское культурное наследие парадоксально. Все известные в истории империи (Александра Македонского, Древний Рим, Византия, империи древнего и средневекового Китая, Священная Римская империя, Австро-Венгерская империя) оставляли после себя великие культуры. Более того, можно утверждать, что цивилизационные прорывы (точнее — «разливы», распространение цивилизации) в истории осуществлялись именно империями. В имперской культуре много конструктивного, объединяющего, способствующего снятию противостояний, раздробленности, развитию государственности и просвещению. Как показало исследование современного классика либерализма М.Уолцера, именно империи, а не национальные государства обеспечивали в истории наиболее толерантный тип государственного обустройства. Не являлась исключением из этого ряда и Российская империя, символом которой и стал Санкт-Петербург — демоверсия петровских реформ — со всею их противоречивостью.

Для петербургской культуры характерны надэтничность, или, как сейчас говорят, — мультикультуральность. Его культуре до самого последнего времени была присуща

веротерпимость, рациональность, общая толерантность и корректность⁴.

Питерской культуре свойственны особая рациональность, ориентация на исторический прогресс и модернизацию. Показательно и поучительно сравнить это содержание с содержанием идеи европейскости, представленной в докладе Совету Европы относительно содержания европейской идентичности. Авторы доклада возводят содержание европейскости к Древнему Риму, Западно-Римской империи, империи Наполеона, экспансии Запада в Америке, Азии, Африке, Австралии, т.е. имперским началам, объединявшим западный мир. Совпадения с питерской идеей разительно буквальные: мультикультурность, демократия, толерантность, вера в исторический прогресс, права человека. Тема трагедии маленького человека, противостоящего безличной государственности, с которой великая русская литература вошла в мировую культуру — фактически, зародыш проблемы прав человека — не случайно возникла именно в связи с Санкт-Петербургом.

Санкт-Петербург, действительно, оказывается носителем и представителем европейского начала в культуре России, носителем импульса ее развития.

Санкт-Петербург — город-мечта России о новой, светлой, разумно устроенной жизни. Санкт-Петербург — город-инноватор России, средоточие межкультурных контактов и связей, символ общечеловеческой Культуры, способен объединять людей вне зависимости от их национальной и профессиональной принадлежности.

Речь идет об апелляции не к империи как таковой — претензии эти будут безосновательны и ведут в тупик, а об апелляции к конструктивному содержанию постимперской культуры, не о ностальгии о безвозвратно ушедшем прошлом, а о том, что могло быть, но осталось еще нереализованным, фактически — к нереализованной утопии (а Питер — место, где

---

⁴ См. также: *Тульчинский Г.Л.* Санкт-Петербург: колыбель трех с половиной российских персонологий // Мир Петербургской культуры. Памяти М.С. Кагана. Материалы научно-практической конференции. Санкт-Петербург. 18 – 19. 05. 2006. СПб., 2007. С. 258 – 267.

утопии имеют тенденцию к реализации). Не об апелляции к сохранению величественного прошлого, а о — с опорой на это прошлое — импульсе к новому развитию!

Шанс России

В чем же он видится в этой связи?

Каждая империя — это некий глобалистский проект. Так же, как и нынешние проекты глобализации по самой своей сути — имперские. Был такой проект и у России. Может ли современная Россия предложить свой проект глобализации? Если нет, то в чем же тогда шанс России? С чем она может войти в формирующееся глобальное экономическое, политическое, информационное, культурное пространство? Только уникальное глобально. Экономического «бутика» нынешняя российская экономика предложить не в состоянии, так же как она не может предложить мировой экономике эффективных брендов. А сырье и полезные ископаемые в современной экономике брендами не являются. Гонку в современных информационных технологиях Россия не то что проиграла, она в ней и не участвовала, проспав мировой рывок в информационное и постинформационное общество.

Главная проблема России — не экономика. Как показало исследование авторитетнейшей международной консалтинговой компании McKinsey во главе лауреатом Нобелевской премии по экономике Р. Солоу, высокая инфляция, финансовые кризисы и экономическая нестабильность — не играют существенной роли в сдерживании экономического роста в России, реальный потенциал которого — не менее 8–11 % в год. Сдерживающие факторы имеют внеэкономический характер. Можно было бы рассчитывать на фактор времени и просто «отлежаться» пару десятилетий, пока решится вопрос о нравственной и правовой легитимности собственников, сформируются интересы, правовая культура, социально-ответственное партнерство, гражданское общество... Однако «отлежаться в сторонке» от мировых процессов в нашем ставшем тесном мире тоже не получится. Да и ресурсов «отлежаться» может не хватить.

Ситуацию усугубляет бессилие российского общества перед массовой культурой, противодействием «игре на по-

нижение» которой служат гражданское общество, полноценная элита и внятная культурная политика, отсутствующие, к сожалению, в современной России.

Думается, что в этой связи тем более возрастает роль и значение пока еще сохраняющегося культурного потенциала российского общества. Культура и образование всегда были и пока еще остаются полноценными российскими брендами мирового значения.

Полноценное возрождение России — прежде всего — возрождение открытости, всемирной отзывчивости. Плюс свобода как ответственность, коренящаяся в легитимности собственности. Русскому не приходится бороться за внешнюю независимость. Его всегда угнетало собственное государство. Малым народам нужна внешняя национальная консолидация, России — вселенский дух и свобода личности. В этом — традиции духовного взлета России на рубеже XIX—XX столетий. Против этого — замыкание в этнизации и национализме. Всемирная отзывчивость, глубокий интерес к личности и вечности, способность думать и писать об этом — гарантия сохранения и развития российской культуры, ее роли посредника между народами Евразии и всем миром, присутствия в мире русского языка.

Ergo

Глобализация и массовая культура не так уж страшны и разрушительны. Наоборот, они дают новые возможности развития, особенно если дополняются действующим гражданским обществом, полноценной элитой и внятной культурной политикой. Более того, российская культура в этой ситуации получает дополнительные шансы именно в силу таких своих особенностей, как открытость и всемирная отзывчивость в сочетании с глубокой персонологичностью.

Поэтому, как мне видится, проблема России не столько в «цивилизационном выборе», сколько в способности воспользоваться имеющимися историческими возможностями. А уж чего-чего, а креативного потенциала, оригинальности, неповторимого творческого драйва, российской культуре не занимать.